

Свет позапрошлого века

К столетию со дня рождения Сергея Ермолинского

Сергей ЮРСКИЙ

«ОНА приходила к нам и, остановившись в передней, кричала: «Таня, где вы? Посмотрите мое новое пальто! Идите скорее, а то я еле стою на этих проклятых шпильках, кто их только выдумал? Не могу, упаду!» Ей до крайности важен был суд моей жены. Она вообще любила поговорить с ней — с юмором — о модах и обо всем на свете. Но это обычно было вторым отделением программы ее визита. Повертевшись, как манекенщица, снимала пальто, бросала его роскошным жестом на пол и появлялась у меня в кабинете. Сразу преобразившись, собранная и деловитая, она сообщала мне новости. Их всегда было много. Все сразу завертелось, закружилось вокруг нее. «Театральный роман» безусловно будет напечатан в «Новом мире». Заходил Александр Трифонович Твардовский и сообщил...»

Боже мой, я всех их знал! Я вижу ясно эту переднюю и этот кабинет, потому что много, много раз бывал там. Я запах еще не забыл. Пахло множеством добротных книг, кофе, коньяком, слегка истлевшими коврами и чистым крахмальным бельем. В этих комнатах бывало по-особенному хорошо. По-московски хорошо. Как-то по-старому, по-небывалому... и вместе с тем... по-привычному хорошо. В этих комнатах бывало так, как должно быть!

И я знал их всех. Таня — это Татьяна Александровна Луговская, жена Сергея Александровича. «ОНА», которая вертелась, демонстрируя пальто в передней, это Елена Сергеевна Булгакова — жена великого Михаила Афанасьевича. Твардовский обещал напечатать «Театральный роман» — значит, это зима 64–65-го годов. Адрес — у метро «Аэропорт», улица Черняховского, со двора, вторая парадная, четвертый этаж. А текст первого абзаца — из книги Ермолинского, вышедшей в 82-м году. В книжке — пьесы, сценарии и сто страниц воспоминаний о Булгакове, которые я и процитировал.

Хорошее слово — литератор. Поэт — это как-то слишком возвышенно, писатель — очень уперто в ремесло, сценарист — совсем прагматично. А вот литератор — хорошо. Сергей Александрович Ермолинский был литератором. И по профессии, и по складу мышления, и по кругу интересов. Его речь, его кодекс чести, его юмор — все это было дворянской, университетской закваски с филологическим уклоном. Станным образом от него как-то отскакивал упрощенный советский стиль общения. Он был, что называется, «человек с правилами», и, соприкасаясь с ним, каждый, попадающий под его обаяние, осознавал, что, собственно, так и должно, что человек и должен быть «с правилами», на то он и человек.

Однако напомним (я так хочу, чтобы нынешние молодые ясно представили его себе!) — жил-то он на этой земле, в нашей стране. Сергей Александрович прошел тюрьму, ссылку, долгий запрет на проживание в столицах и крупных городах. Он знал не просто бедность, но нищету. Многие годы безденежья и бездомья. Он вполне ознакомился с изнанкой жизни. Но и свет жизни не обошел его — был успех и признание в кинематографе, были времена бурных загулов и веселья, несмотря ни на что. Были страсти, была любовь. Была, наконец, дружба с Булгаковым, определившая многие радости и беды его дальнейшей жизни.

В замечательном предисловии Натальи Крымовой к уже упомянутой книге Ермолинского нельзя не обратить внимание, как исчезает, «проваливается» его биография в сороковые годы. Это знак времени — категорически нельзя было тогда (подумать только, в 82-м году!) даже намекнуть, что автор был арестован. Чтобы книгу издали, чтобы «не выбросили из плана», надо было сказать — «война застала Ермолинского далеко от Москвы». Да и сам Сергей Александрович в своих воспоминаниях запретил себе касаться темы тюрьмы и

ссылки. Наброски второй, неподцензурной биографии писались «в стол» и долгое время были скрыты даже от дружеских глаз. Булгаков избежал репрессий. Страшно сказать, но, судя по всему, спасением от ареста стала для него смерть. Темная угроза кружилась над ним и в результате обрушилась на его младшего друга — Сергея Ермолинского.

Впервые я увидел Сергея Александровича в 1946 году в Грузии, в местечке Сагурамо, где грузинские писатели фактически скрывали его — поднадзорного — от властей. Здесь он начал работу над пьесой о Грибоедове — одним из главных свершений его жизни. Здесь крепко и на всю жизнь они подружились с моим отцом — Юрием Сергеевичем Юрским. А я мог наблюдать со стороны этот роскошный многодневный диалог образованных, мыслящих людей, которые заряжали друг друга интеллектуальной энергией. Внизу текла Арагва, вокруг были горы и деревенская тишина, и на это время можно было говорить, не опасаясь последствий. Грядущее было смутным, но они умели радоваться настоящему и в ежедневных застольях поднимали стаканы с вином за великолепие этих мест и за грузинское гостеприимство.

Аристократичность была неотъемлемой чертой Сергея Александровича. В пластике, в манере речи, но главное, в независимости от мелочей быта. Его не угнетали окружающие неурядицы. Абсолютно естественно он умел пренебречь ими. Бывало, он жил у нас в Ленинграде на Толмачевой улице — уже в 50-е годы, но все еще бесправный. Он был четвертым в нашей единственной комнате. Комната была частью гигантской коммунальной квартиры с одной кухней и одной ванной на 30 человек. Но когда дядя Сережа просыпался на своем пролежанном диванчике и начинал пародийно важный и очень смешной утренний монолог, казавшееся важным становилось незначительным, на первый план выходили иные ценности, и утро казалось великолепным.

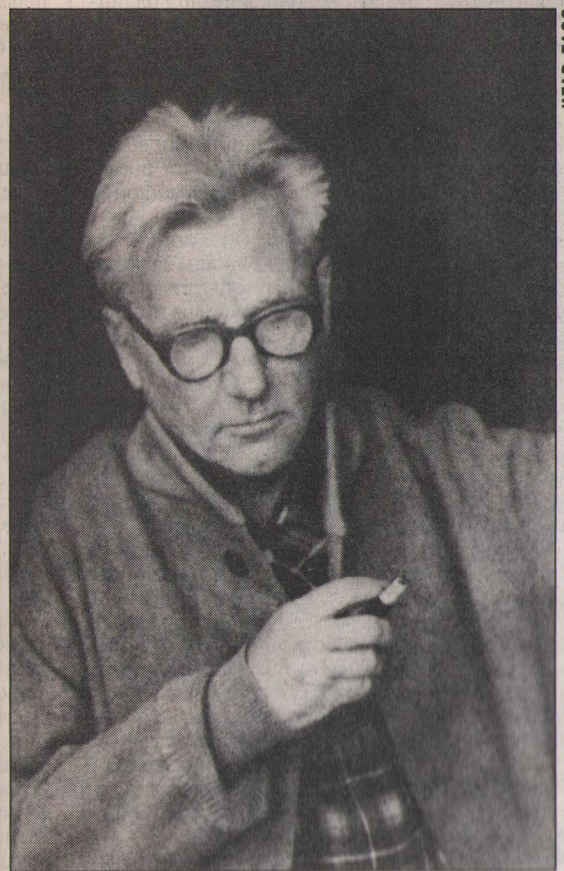
В разные годы Ермолинским были написаны сценарии к фильмам, ставшими знаменитыми — «Танкер Дербент», «Машенька» (совместно с Е. Габриловичем), «Неуловимые мстители», «Дело Артамоновых». Но сам он большее значение придавал своей театральной драматургии и прозе.

Может быть, причиной тому было ВРЕМЯ, о котором он писал в пьесах и театральных фантазиях, — тот самый XIX век, который влек его, тот, ТЕПЕРЬ УЖЕ ПОЗАПРОШЛЫЙ, ВЕК к которому он духовно принадлежал. Гиганты XIX века — Пушкин, Грибоедов, Денис Давыдов, Толстой, Островский — они составляли его интерес, о них писал он свои пьесы, сценарии, хроники.

Хочется подчеркнуть важную особенность творчества Ермолинского: избрав героями своих произведений реальных людей, он прежде всего оставался СОЧИНТЕЛЕМ. Мемуары и архив были для него важным, но не ведущим источником. Ведущим было воображение, духовное сближение, опирающееся на интуицию. И его «Драматические сочинения» — это диалог с теми, в круг кого витала его мысль, к кому обращалось сердце. Думаю, во многом на этом стояла их дружба с Булгаковым — несмотря на разницу в возрасте, несоизмеримость масштабов, отличия писательской манеры, оба они ощущали своим фундаментом великую русскую литературу XIX века.

Незнающие, удивитесь! — Мальчик Сережа Ермолинский, 1900 года рождения, успел «обменяться письмами» со Львом Николаевичем Толстым! Да, да! Четырех лет от роду он написал письмо великому старику, будто своему знакомому, и получил ответ, и ответ опубликован в полном собрании сочинений классика. Можно снисходительно улыбнуться. А можно почувствовать в этом и мистическую связь веков, и естественную простую преемственность.

Сергей Александрович Ермолинский скончался в 1984 году. В последние годы жизни — взрыв интереса



«булгаковедов», расплодившихся в количествах немислимых. Некоторые из них, не знавшие ни дружбы Булгакова, ни допросов в КГБ по поводу Булгакова, ни тюрьмы и ссылки «за Булгакова», стали вести «второе следствие», выискивая несовпадения дат, противоречия в дневниковых записях в делах более чем полувековой давности. Пользуясь открывшейся безграничной свободой и модой на любые сенсации, они попытались бросить тень на светлое имя Ермолинского, вбить клин между ним и вдовой Булгакова. Сергей Александрович умер. Умерла и его жена — художник и великолепная писательница Татьяна Александровна Луговская.

Кто защитит память о нем?

Мы! Все те, кто знал его, кто читал его, кто принадлежал к его кругу!

Мы — любившие этот дом, черпавшие несравненную радость от общения с его хозяевами, чествовавшие имен оградим память о нем от любого посягательства. Кто такие мы? Это довольно постоянный состав, собиравшийся по торжественным и не очень торжественным дням и вечерам у Ермолинских, Натан Эйдельман, Даниил Данин — этих двоих, выдающихся, уже не стало, Борис Жутковский, Наталья Крымова, Людмила Петрушевская, Наталья Рязанцева, Андрей Хржановский, Людмила Луговская, автор этих строк, наши родные и близкие, и еще многие, не хочу утомлять читателя слишком длинным перечнем имен. Это были веселые собрания. Это были остроумные собрания. Это были душевные собрания.

И я свидетельствую: внутри этого круга царили благорасположенность и доверие. Елена Сергеевна Булгакова — ее я тоже знал лично — относилась к Сергею Александровичу как к человеку близкому и родственному. Во всем этом были следы отношений того, давнего круга тех времен, когда доверительно читал Михаил Афанасьевич главы «Мастера и Маргариты».

Есть книга «Драматические сочинения» Сергея Ермолинского. Есть книга «Я помню» Татьяны Луговской. Есть рукопись второй части «Автобиографии» и множество новелл и набросков Ермолинского, которые ждут издания. Есть память в каждом, кто знал этих замечательных людей. Но самих их нет! И нечем заменить их. Они были особенные. Они были из того, другого века, который сейчас, прямо на наших глазах, становится позапрошлым.